

Наталья Валерьяновна Изотова

Россия, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Людмила Владимировна Табаченко

Россия, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Пунктуационные знаки в художественном диалоге (на материале русской литературы XIX – начала XX вв.)

Ключевые слова: диалог, реплика, пунктуационные знаки, середина реплики, реплика–знак.

Key words: dialogue, utterance, punctuation marks, marks of omission, utterance–mark.

Abstract

In fiction, utterances in a dialogue are punctuated with punctuation marks, including the marks of the spatial and compositional organization of the text. Marks that are usually used at the end of a sentence can also be found in the middle of an utterance in a dialogue. Punctuation marks used in a highly stylized way are associated with the semantic division of an utterance on the horizontal level of development. An utterance can be represented with one of the end of sentence punctuation marks. The emergence of meaning is formed in the reader's mind on the vertical level of development.

Общение людей занимает большую часть жизнедеятельности человека и в связи с этим находит отражение в художественной литературе в основном, как отмечают исследователи, в виде канонической формы человеческого общения, к которой относят диалог. По мысли Э. Бенвениста, «невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык. Невозможно представить себе изолированного человека, ухитряющегося осознать существование другого человека. В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [Benvenist 1974: 293]. Диалог в художественной литературе создаётся не двумя говорящими, а автором произведения,

подчиняющим его тем задачам, которые он ставит перед собой. Вопросы представления живой разговорной речи в художественной литературе всегда интересовали и продолжают интересовать лингвистов [Vinogradov 1980; Vinokur 1991; Švedova 1960; Koževnikova 1971; Lagutin 1991; Koževnikova 1992; Ěpštejn 2016 и др.].

В художественных прозаических произведениях диалогическое общение персонажей представляет собой микротекст (диалогический фрагмент текста) в рамках макротекста (текста произведения), который имеет определенную структуру, включающую не только реплики персонажей, но и часто авторский компонент, информирующий читателя о разных параметрах общения (наименование субъектов общения, обозначение глаголами речи процесса говорения, места, времени общения, представление некоторых характеристик персонажей и т.д.). Диалог персонажей, будучи сформированным писателем в письменном тексте, имеет свое графическое оформление, которое дает возможность читателю ориентироваться в смыслопорождении как на горизонтальном, так и на вертикальном уровне развития диалогического текста. Устройство диалога имеет свою специфику: реплики, ремарки, авторские комментарии или внутренние мысли персонажа, включенные до начала диалога, в конце диалога или в его середине, позволяют сформировать в сознании читателя целостное содержание произнесенных персонажами реплик, а также расширить представление о мире персонажей.

Компоненты диалогического фрагмента текста имеют свои пунктуационные показатели, помогающие читателю осмыслить общение персонажей в графическом пространстве текста. При оформлении диалога писатель выбирает знаки препинания не только из основного корпуса пунктуационных знаков, который был определен А.Б. Шапиро (знаки «конца» и «середины» предложения) [Šarigo 1955: 87–89], но и знаки пространственной и композиционной организации текста, которые выделил А.А. Реформатский, обращая внимание на пунктуацию в широком смысле (при этом в пунктуационные знаки включены не только знаки «конца» и «середины» предложения, но и знаки организации текста: пробелы, абзацы; полиграфические средства: шрифты) [Reformatskij 1963: 214]. Проблемы системной организации русской пунктуации и ее функционирования, трудные вопросы пунктуации, методика изучения правил постановки знаков препинания, вопросы их вариативности, состояние современной пунктуационной практики являются предметом исследования в русистике [Švarckopf 1988; Valgina 2004; Rozental' 1984; Nikolaeva 1979; Parubčenko 2006 и др.].

Цель статьи – проанализировать особенности постановки знаков препинания в репликах диалога, обратив внимание на расположение конечных знаков внутри реплики и использование их в качестве самостоятельной реплики.

Задачи: определить конечные знаки препинания, употребляющиеся в середине реплики; выяснить причины их нестандартного употребления

в русской прозе XIX – начала XX вв.; обозначить тенденцию употребления некоторых конечных знаков в качестве самостоятельной реплики в структуре художественного диалога.

Реплики как первооснова структуры диалогического фрагмента текста выделяются в первую очередь знаками на уровне композиционной и пространственной организации фрагмента. Они следуют друг за другом, отделяясь в вертикальном расположении новой строкой и имея знаки пунктуации из основного корпуса: начало каждой реплики графически обозначено тире или кавычками. На горизонтальном уровне членения диалогического фрагмента текста реплика и другие компоненты выделяются знаками препинания из основного корпуса в соответствии с синтаксической структурой реплики: конец реплики или отдельные высказывания в сложной реплике, т.е. состоящей из нескольких высказываний, отделяются друг от друга знаками «конца» высказывания (точка, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие). Каждое отдельное высказывание, равное реплике, или отдельные высказывания внутри сложной реплики могут содержать необходимые согласно их структуре и смысловой организации знаки «середины» (запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, двойная запятая, двойное тире, скобки, кавычки) [Šapiro 1955: 87–89]. Знаки «середины» и «конца» высказывания включены в вербально представленные в диалогическом фрагменте текста реплики стимулирующего и реагирующего характера и в другие компоненты фрагмента.

Многоточие как знак конца реплики, как и конца предложения, позволяет читателю за графической сеткой текста «прочитывать» также интонационный рисунок речи персонажа, который при многоточии отличается от точки степенью неполноты, незавершенности, позволяющей читателю осмыслять причину постановки такого знака. Незавершенность реплики, обозначенная многоточием, может быть обусловлена внешними обстоятельствами, связанными с включением в диалог другого персонажа на вертикальном уровне развития текста, когда диалог продолжают реплики-подхваты, реплики-перебивы, что может иметь подтверждение в авторском компоненте фрагмента.

— Вовсе не лекцию, – пробормотал Берсенеv и покраснел, – я хотел...

— А почему ж бы и не лекцию, – подхватила Елена. – Нам с вами лекции очень нужны, Павел Яковлевич [Turgenev 1961: 19].

В художественном тексте знаки препинания, относящиеся к знакам конца предложения (многоточие, вопросительный и восклицательный знаки), могут располагаться также в середине реплики, представляющей речь одного персонажа и состоящей из одного или нескольких высказываний. Эти знаки препинания используются не в стандартной функции, что прежде всего относится к многоточию, поскольку этот пунктуационный знак конца чаще других оформляет в тексте целостное высказывание, расчлененное на отдельные

смысловые отрезки. Многоточие на горизонтальном уровне развития реплики одного персонажа позволяет, разделяя смысловые отрезки, являющиеся структурными компонентами синтаксической единицы (однородные члены предложения, части сложного предложения), передать в отличие от стандартного в таких случаях знака (запятой) ход развития мысли персонажа. Многоточие в этих конструкциях является знаком, свидетельствующим о временном перерыве в речи персонажа или невозможности выразить свою мысль до конца.

— Знай одно, Маша, я ни в чем не могу упрекнуть, не упрекал и никогда не упрекну мою жену, и сам себя не могу упрекнуть в отношении к ней; и это всегда так будет, в каких бы я ни был обстоятельствах. Но ежели ты хочешь знать правду... хочешь знать, счастлив ли я? Нет. Счастлива ли она? Нет. Отчего это? Не знаю... [Tolstoj 1973: 134]

Юлия уложила Федора и опустила перед ним на колени.

— Это ничего, – утешала она. – Это у вас нервы...

— Голубушка, мне так тяжело! – говорил он. – Я несчастлив... но всё время я скрывал, скрывал! [Čehov 1977: 82]

Многоточие может отделять грамматически следующие друг за другом компоненты одного высказывания (предложения), между которыми не должно быть знаков препинания.

Походя через залу, ей встретился лакей.

— Куда ты идешь – спросила она.

— Доложить-с.

— О ком?

— Вот тот-с... офицер... Господин Печорин... [Lermontov 1959: 199]

В некоторых случаях автор может дать объяснение такой постановке знаков между словами.

Шубин вскочил на ноги и прошелся два раза взад и вперед, а Берснев наклонил голову, и лицо его покрылось слабой краской.

— Я не совсем согласен с тобою, – начал он, – не всегда природа намекает нам на... любовь. (Он не сразу произнес это слово.) Она также грозит нам; она напоминает о страшных... да, о недоступных тайнах. Не она ли должна поглотить нас, не беспрестанно ли она поглощает нас? В ней и жизнь и смерть; и смерть в ней так же громко говорит, как и жизнь.

— И в любви жизнь и смерть, – перебил Шубин [Turgenev 1961: 12].

При употреблении многоточия в середине реплики (между предложениями в структуре сложной реплики и между частями одного предложения) интонационный рисунок становится более сложным, поскольку отражает прерывистость речи на уровне реплики, что связано с представлением развития мыслительной деятельности персонажа как субъекта общения, включенного в целостную диалогическую ситуацию. Основные причины постановки

многоточия в середине реплики художественного диалога – обозначение психологического, эмоционального и физического напряжения или состояния персонажа в момент произнесения реплики и представление этого состояния персонажа читателю с помощью пунктуационного знака как дополнительного средства, участвующего в смыслопорождении диалога.

— И вы будете вполне довольны вашим положением? – спросила Елена, подпершись локтем и глядя ему прямо в лицо.

— Вполне, Елена Николаевна, вполне. Какое же может быть лучшее призвание? Помилуйте, пойти по следам Тимофея Николаевича... Одна мысль о подобной деятельности наполняет меня радостью и смущением, да... смущением, которого... которое происходит от сознания моих малых сил. Покойный батюшка благословил меня на это дело... Я никогда не забуду его последних слов [Turgenev 1961: 19].

Диалогическая речь всегда ситуативно прикреплена. Многоточие в реплике может быть связано с представлением моментов ситуации общения, на которые реагирует персонаж в процессе говорения. Начатая реплика прерывается многоточием, после чего в реплике обозначается спонтанно возникший в сознании персонажа ситуативный момент, на который он счел необходимым среагировать, затем тематическое единство реплики восстанавливается.

— А я было к вам по дельцу, – начал Николай Петрович, отдуваясь. – Ездил повешать на Мажаровку... надевай шапку-то, Семен!.. да вот, кстати, и к вам. Девоч своих не пошлете ли ко мне?

— Аль еще не сажали? – спросил дед участливо.

— Запоздали нынче... не я один.

— Запоздали, Миколай Петрович, запоздали...

— Я... – продолжал барин и вдруг так зычно гаркнул: «Балуй», что дед со всех ног бросился держать жеребца.

— Немножко-то посадил, – опять начал барин, – а пора и совсем управиться. Девчонок-то своих и турили бы ко мне [Bunin 1988: 182–183].

В приведенном выше примере компоненты реплик «надевай шапку, Семен!..» и «Балуй», обозначающие элементы изменяющейся визуальной ситуации (внешний вид собеседника и поведение животного), выделены в структуре реплики многоточием, восклицательным знаком с двоеточием, кавычками, что способствует осмыслению разрыва темы реплики и создает впечатление живой спонтанной речи.

Кроме многоточия, в середине реплики также могут находиться восклицательный и вопросительный знаки. Они сохраняют свои основные функции (запроса информации и передачи эмоционального состояния), располагаясь после одного слова или нескольких слов, что усиливает их функциональную направленность и создает дополнительную смысловую нагрузку. Отсутствие прописной буквы после вопросительного и восклицательного знаков препинания в середине реплики в таких случаях позволяет читателю воспринимать

реплику как развивающуюся в едином смысловом направлении. Сложные по эмоциональному настрою реплики могут содержать внутри одновременно различные знаки, позволяющие графически представить фон общения.

— Милостивый государь, – голос чиновника дрожал от ярости, жилы на лбу его надулись, и губы побледнели, – милостивый государь!.. вы меня обидели! вы меня оскорбили смертельно.

— Это для меня не секрет, – отвечал Жорж, – и вы могли бы объясниться при всех: – я вам отвечал бы то же, что теперь отвечаю... когда ж вам угодно стреляться? нынче? завтра? – я думаю, что угадал ваше намерение; по крайней мере разбитие чашек не было случайностью: вы хотели с чего-нибудь начать... и начали очень остроумно, – прибавил он, насмешливо поклонившись... [Lermontov 1959: 181–182]

В художественном прозаическом произведении возможно формирование диалогического фрагмента текста, в котором логика развития смыслового целого усложняет отношения участников общения и в большей степени выводит эти отношения на уровень автор – читатель, поскольку включает внеязыковые компоненты в структуру диалога. Одна из реплик может быть заменена пунктуационным знаком из основного корпуса знаков, оформляющих конец реплики. Такими знаками являются вопросительный и восклицательный знаки, поскольку в отличие от точки имеют дополнительные специфические значения: для восклицательного знака – это обозначение эмоциональности высказывания, для вопросительного знака – указание на вопрос, на запрос выяснения чего-то неясного, непонятого.

Основные значения вопросительного и восклицательного знаков препинания как конечных знаков закреплены в сознании носителей языка, что позволяет использовать их также в качестве самостоятельных реплик диалога.

Вот уже в шерстяном платье с застежкой на спине пропорхнула из спальни:

— «Идемте, идемте же... Да, кстати, письмо... от кого?..»

— «?»

— «Ну, не надо, не надо: готова я» [Belyj 1981: 113].

Автор включает сознание читателя в создание диалога как текста, позволяет с помощью определенного знака препинания, являющегося невербальным компонентом в структуре диалога в качестве самостоятельной реплики, «восполнить» языковое содержание реплики с учетом значения пунктуационного знака и смыслового развертывания текста.

— «Вы, конечно, поняли: не могу, да и не хочу; словом – не стану»

— «!»

— «Это – отказ: бесповоротный отказ. Можете так передать. И прошу оставить меня в покое...» [Belyj 1981: 246].

Автор позволяет читателю дать свою мысленную интерпретацию невербальной реплики, восстановить слова персонажа в соответствии со значением

пунктуационного знака либо заменить их другим компонентом текста – авторским – «он удивился», «он пожал плечами, изменился в лице», «он замолчал от возмущения и не смог выговорить ни слова...» и т.д.

Аполлон Аполлонович, думая, что достал карандашик, вытащил из жилета костяную щеточку для ногтей и ею же собирался сделать пометку «отослать обратно по адресу!», как...

— «?»

— «Поданы-с...»

Аполлон Аполлонович поднял лысую голову и прошел вон из комнаты [Belyj 1981: 17].

Николай Аполлонович с удивлением посмотрел на наивного собеседника: посмотрел, покраснел, и с чрезвычайной горячностью, ему нужной теперь, чтобы прикрыть одну мысль, – громко крикнул:

— «Я считаю, что-да... Вы ему помогли...»

— «Кому?»

— «Неизвестному...»

— «?»

— «Неизвестный же требовал...»

— «!»

— «Совершения гадости».

— «Где?»

— «В скверной записке...»

— «Такого не знаю...»

— «Неизвестный», – растерянно настаивал Николай Аполлонович, – «ваш товарищ по партии... Что вы так удивились? Что вас так удивило?» [Belyj 1981: 251].

Ремарок у таких реплик нет, что связано, возможно, с предоставлением читателю свободного интерпретирования потенциального содержания реплик, с проникновением сознания читателя в текстовое пространство на разных уровнях развития диалогической структуры. Автор дает возможность читателю интерпретировать несловесный компонент в потенциально словесный (персонажный или авторский), прекращая таким образом разрыв в общении на уровне автор – читатель. Читатель «разгадывает» текст, но направление этого процесса все-таки дает автор. В конструировании диалогических структур, где одна из реплик заменена пунктуационным знаком, принимают участие знаки разноуровневого характера: вербальные и невербальные, имеющие свое графическое оформление. Диалогическое общение сформировано в пространстве текста, которое позволяет объединить все виды информации и наделить отдельную дискретную единицу – реплику-пунктуационный знак – определенным смыслом в составе целостной структуры. Читатель как интерпретатор проецирует динамику смыслового развертывания общения персонажей, учитывая одновременно вербальные компоненты на горизонтальном и вертикальном уровнях структуры и пунктуационный компонент,

позволяющий «доформировать» целое с помощью перехода в существующее в сознании читателя осмысление внеязыкового компонента.

Литература

- Belyj A., 1981, *Peterburg*, Moskva: Nauka.
- Benvenist È., 1974, *Obšaa lingvistika*, Moskva: Progress.
- Bunin I.A., 1988, *Sobranie sočinenij v 4 t.*, vol. 1, Moskva: Pravda.
- Čehov A.P., 1977, *Polnoe sobranie sočinenij v 30 t.*, vol. 9, Moskva: Nauka.
- Ėpštejn M., 2016, Paradoksal'nye rečevye akty v literature. Transformativy i kontraformativy [in:] Z.Û. Petrova (ed.), *Ázyk hudožestvennoj literatury: tradicionnye i sovremennye metody issledovaniâ*, Moskva: Azbukovnik.
- Koževnikova K., 1971, *Spontannaâ ustnaâ reč' v èpičeskoj proze (na materiale sovremennoj russkoj hudožestvennoj literatury)*, Praha: Univerzita Karlova.
- Koževnikova N.A., 1992, *Ázyk Andreâ Belogo*, Moskva: Institut russkogo ázyka RAN.
- Lagutin V.I., 1991, *Problemy analiza hudožestvennogo dialoga*, Kišinev: Štiinca.
- Lermontov M.Û., 1959, *Sobranie sočinenij v 4 t.*, vol. 4, Moskva-Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, Institut russkoj literatury (Puškinskij dom).
- Nikolaeva T.M., 1979, O funkciâh punktuacionnyh znakov v russkom ázyke [in:] L.I. Skvorcov (ed.), *Sovremennaâ russkaâ punktuaciâ*, Moskva: Nauka, pp. 26–35.
- Parubčenko L.B., 2006, Punktuacionnoe argo [in:] Russkij Ázyk Segodnâ, iss. 4, L.P. Krysin (ed.), *Problemy ázykovej normy*, Moskva: Institut russkogo ázyka im. V.V. Vinogradova, pp. 441–449.
- Reformatskij A.A., 1963, O perekodirovanii i transformacii kommunikativnyh sistem [in:] *Issledovaniâ po strukturnoj tipologii*, Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR, pp. 209–215.
- Rozental' D.È., 1984, *Spravočnik po punktuacii: dlâ rabotnikov pečati*, Moskva: Kniga.
- Šapiro A.B., 1955, *Osnovy russkoj punktuacii*, Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR.
- Švarckopf B.S., 1988, *Sovremennaâ russkaâ punktuaciâ. Sistema i ee funkcionirovanie*, Moskva: Nauka.
- Švedova N.Û., 1960, *Očerki po sintaksisu russkoj razgovornoj reči*, Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR.
- Tolstoj L.N., 1973, *Sobranie sočinenij v 12 t.*, vol. 4, Moskva: Hudožestvennaâ literatura.
- Turgenev I.S., 1961, *Sobranie sočinenij v 10 t.*, vol. 3, Moskva: Hudožestvennaâ literatura.
- Valgina N.S., 2004, *Aktual'nye problemy sovremennoj russkoj punktuacii*, Moskva: Vysšaa škola.
- Vinogradov V.V., 1980, *Izbrannye trudy. O ázyke hudožestvennoj prozy*, Moskva: Nauka.
- Vinokur G.O., 1991, *O ázyke hudožestvennoj literatury*, Moskva: Vyssšaa škola.